

Плей-лист

Sam Smith – Midnight Train
NANSI & SIDOROV – Любовь-игра
Елка – Моревнутри
Sam Smith – Good At Goodbye
KREC – Нежность
Bruno Mars – It Will Rain
Антон Беляев – Лететь
Марсель – Эта песня для тебя
GAYLE – Abcdefu
Триада – Белый танец
AURORA – Cure For Me
Bad Balance – Страсть
Brian McKnight – Nobody
Братья Грим – Вторая половина
Каста – Радиосигналы

ЧАСТЬ 1

*Каждая история любви
в итоге ведет к трагедии*

Мариана

— **О**нет, — выдыхает он, едва заведя меня на пороге своей квартиры.

Спешит захлопнуть перед моим носом дверь, но я оказываюсь быстрее — носок моего ботинка упрямо вклинивается в пространство между дверным полотном и косяком.

— Да погоди! — устало стону я, дергая на себя ручку двери. — Ну!

— Только не ты, — сквозь зубы сокрушенно произносит парень. Высовывает голову наружу и настороженно оглядывает лестничную площадку. — Мне проблемы не нужны, понимаешь?

— С каких это пор ты боишься проблем? — усмехаюсь я.

— С тех пор как твой парень разбил мне нос и чуть не сломал челюсть! — Он переводит на меня недовольный взгляд. — И это не считая того, что все мое тело похоже на отбивную.

— Кай — не мой парень, — качаю головой. — Я тебе уже говорила.

— За минуту до того, как он набросился на меня? Ах да. И как я мог забыть?

— Ви-и-ить... — стону я, беспомощно опустив плечи.

Меня пошатывает. Приходится опереться рукой о стену.

- Лена Сокол -

— Что тебе нужно, Мариана? — сочувственно оглядывает меня парень.

— У тебя он точно не станет меня искать.

— Не хочешь его видеть?

— Не-а, — отвечаю я, пытаюсь сфокусировать взгляд на его лице. — Можно мне войти?

Голова кружится, и удерживать вертикальное положение становится все труднее.

— Ты пьяна, — констатирует Виктор.

— Разве только самую малость. — Пытаюсь показать пальцами крошечное количество алкоголя, который выпила этой ночью.

Но Витя парень не глупый, сразу видит, где вранье. Молчит и смотрит с осуждением, но мне плевать, что он подумает.

— Пьяна и отвратительно выглядишь, — добавляет он.

— Мне больше некуда идти, — жалобно произношу я. Вдруг меня поводит вперед, и я буквально повисаю на его шее. — Мне нужно выспаться, Вить...

— Тебе, конечно, плевать, что я рискую своим здоровьем? — уже не так сердито произносит он, подхватывая меня и крепко прижимая к себе.

Но у меня нет сил на ответ. Я просто закрываю глаза и проваливаюсь в небытие. Все хорошо, я в безопасности — кажется, этому парню можно доверять.

* * *

«Я люблю тебя, Мариана»...

«Я буду здесь!»

Его голос звенит эхом, раздирая неистовой болью мою черепную коробку.

Даже во сне Кай находит способ причинить мне страдания.

— Прекрати!.. — прошу я, отмахиваясь. — Хватит! Все! Я не хочу...

- Плохая девочка -

— Проснулась? Наконец-то, — приводит меня в чувство голос Виктора.

И я открываю глаза, встрепенувшись.

Мутные пятна через мгновение выстраиваются в стройный ряд ярких картинок. Кажется, это чья-то спальня. Темные обои, стол, компьютер, шторы задернуты. Постель — на ней я лежу, — и Виктор сидит на краю этой постели со стаканом воды в руке.

— Где... я? — Мой голос похож на скрип ржавой металлической двери.

— В моей комнате, — усмехается он. — Уже забыла?

— Что я делаю у тебя в комнате? — испуганно спрашиваю я, натягивая на себя одеяло.

Но моя реакция вызывает у него лишь улыбку.

— Не кричи, — просит парень. — Мать дома.

— Кто? Твоя мать?! — Нахмурившись, я пытаюсь восстановить в памяти события последних часов. — Ты что, живешь с мамой?

Так, по порядку.

Мы расстались с Каем. С моим сводным братом, моей ржавой занозой в сердце. Моим безжалостным обидчиком и самой главной страстью моей жизни. Моей первой любовью... Моей...

Господи.

Мы расстались скандально и грязно.

Его семья хотела обобратить меня, а Кай стал добровольным исполнителем их жестокой воли: в его обязанности входило влюбить в себя доверчивую дурочку и ободрать ее до последней нитки. Он причинил мне самую большую в моей жизни боль — растоптал мои чувства.

— Ну, мне восемнадцать, — рассуждает Виктор, вырывая меня из плена собственных гнетущих мыслей. — К чему снимать отдельное жилье, если эта двушка в пятнадцати минутах от универа?

— Экономить, значит, — вздыхаю я, касаясь пальцами висков и закрывая глаза от подступающей головной боли.

— Так живут все, у кого нет дома с бассейном. Примерно две сотни семей в этой старой девятиэтажке и десятки тысяч по всему городу.

Я поднимаю на него вопросительный взгляд.

— Прости, захотелось оправдаться перед тобой за отсутствие комфорта в нашей квартире. — Парень нервно прочищает горло.

— Я не избалованная принцесса, если ты об этом, — морщусь я. — И мы жили совсем не богато до того, как бизнес родителей стал приносить первую прибыль.

— Кстати, вот, — спохватывается он, протягивая мне стакан с водой, который все еще держит в руке, и блистер с таблетками со столика. — Должно помочь.

— От чего?

— От похмелья, конечно.

Я недоверчиво принимаю блистер, достаю пару таблеток, закидываю в рот и медленно запиваю водой.

— Спасибо. — Отдаю ему пустой стакан обратно. — Голова действительно раскаляется.

— Минут через десять станет легче, — заверяет Виктор. — Полежи пока.

И я послушно опускаюсь обратно на подушку и таращусь в потолок. Мне должно быть стыдно за то, что завалилась в не совсем трезвом состоянии (точнее, в совсем нетрезвом) к постороннему человеку. Но все, что я сейчас ощущаю, — пустота. Мне все равно, что будет дальше. Мне вообще на все — все равно.

— Как ты нашла мой адрес? — негромко спрашивает Виктор.

Я провожу ладонями по лицу, выдыхаю и поворачиваюсь к нему.

— Не имею ни малейшего представления.

— Серьезно?

Я сглатываю.

- Плохая девочка -

— Абсолютно. Я даже не помню, как провела последние сутки и где.

— Ух ты, — присвистывает он. Его лицо озаряет улыбка.

— Последнее, что помню, как кружила по району на такси, пытаюсь отыскать нужный дом. А потом спрашивала у твоих соседей, где здесь живет большой крепкий парень с клюшкой. — Я трясую головой, и это движение отзывается нестерпимой болью в затылке.

— Ты, наверное, хотела пойти к Алинке: она живет в крайнем подъезде дома напротив, — пожимает плечами Виктор.

В его взгляде сейчас хотя бы не видно осуждения или сочувствия. Он смотрит на меня с живым интересом.

— Во-о-от как я узнала, где тебя искать... — осеняет меня. — Точно. Она ведь говорила, что вы соседи. — Я облизываю пересохшие губы. — Нет. Я бы не пошла к ней, Алина не захочет меня видеть.

— Что-то случилось? — хмурится он.

— Да так, — вздыхаю я и делаю то, что нужно было сделать сразу, как проснулась: отгибаю одеяло и проверяю, что под ним. На мне мой топик и трусы, больше ничего.

Кто-то раздел меня? Или...

— Ты сама сняла юбку и колготки, — предупреждая вопросы, замечает Виктор.

Я возвращаю одеяло на место и впиваюсь в него взглядом.

— Мы же с тобой не...

Его глаза округляются.

— *Нем!* — выпаливает он. — Я не сплю с пьяными девицами, не способными себя контролировать.

— Так мы... — на всякий случай решаю уточнить я.

— Ничего не было, — твердо отвечает Виктор, подтверждая свои слова, выставив ладони.

- Лена Сокол -

— Ясно. — Я опять утыкаюсь взглядом в потолок. В груди такая тяжесть, будто сверху на мне лежит наковальня.

— Но это не значит, что мне не хотелось, — острит парень. — Ты ведь красивая девушка, и...

— И сколько я спала? — перебиваю я его.

— Тринадцать часов, — немного подумав, отвечает Виктор.

— Понятно, — глухо отзываюсь. — А какой сейчас день недели?

— Ты серьезно? — выдыхает он, наклоняясь над моим лицом.

— Немного потерялась во времени.

— Сколько ты выпила?

— Не знаю. Мешала все подряд, — безразлично глядя в потолок, констатирую я. — А потом провал. Теперь пытаюсь понять, сколько времени прошло с тех пор, как...

В горле встает ком.

Мне плохо. И кажется, что плохо мне теперь будет всегда. Всякий раз, когда буду думать о нем.

Я задыхаюсь от мыслей, воспоминаний, флешбэков, что картинками лезут в голову. Любое воспоминание о Кае будет причинять мне боль до конца моих дней.

— Тебя я не видел с того момента, как Кай разбил мне нос и чуть не сломал челюсть. — Виктор касается пальцами припухшего лица. Я поворачиваюсь и замечаю, что его нос действительно выглядит не очень и отек распространился под глаза. — Это было позавчера, Мариана.

— Позавчера... — произношу я задумчиво.

Позавчера моя жизнь раскололась на «до» и «после». Я узнала, что меня бессовестно использовали. А еще была та девушка — Эмилия. *Она ждет ребенка от Кая.* Он станет отцом.

Ага.

- Плохая девочка -

И я приказала всей их семейке убираться из моего дома. Позавчера.

Ах да. Еще я целовалась с Витей на глазах своей лучшей подружки, которая в него влюблена.

— Черт... — я стискиваю зубы и беззвучно стону.

— Будь добра, не мычи: мать подумает, что мы трахаемся, — смеется Виктор.

Значит, мне только кажется, что беззвучно.

— Можно я останусь у тебя еще на пару дней? — вдруг огорошиваю его вопросом.

— Чего? — таращится он на меня.

— Я не была дома с позавчера, и возвращаться туда мне совершенно не хочется, понимаешь? Мне нужно время прийти в себя. Нужно, чтобы отпустило, хотя бы немного.

— Ты не была дома двое суток?

Я мотаю головой:

— Меня там никто не ждет.

— А как же...

— Не произноси его имя! — хватаю его за рукав футболки.

Витя с непониманием смотрит на мою руку, затем громко сглатывает.

— Может, вам лучше не бегать друг от друга? — спрашивает он спустя долгих полминуты.

— Ты ничего не знаешь. — Я отвожу в сторону взгляд.

— Кай, может, и не самый примерный мальчик, — рассуждает Виктор с сомнением, — но ты ему явно не безразлична. И даже больше: он помешался на тебе, хоть и сам тому не рад.

— Ты знаешь его не дольше меня, — возражаю я, глядя в стену. — Если он и испытывает к кому-то чувства, то только к себе.

— Нет. Ты изменила его, — упорствует Виктор. — И я ничуть не удивлен. Только такая, как ты, могла пробудить в нем чувства. Ему, конечно, тесно в них,

как в одежде с чужого плеча, но они есть. Думаю, Кай мог бы постараться.

— Все, — прошу я, обхватывая голову руками. — Замолчи.

— И если ваши чувства взаимны, вам следовало бы попытаться сохранить отношения.

— Это не отношения! — взрываюсь я. — Садомазо какое-то! — Бросаю взгляд на растерянное лицо Вити. — Любовь... Которую причиняют, а не дарят. И страданий всегда больше, чем радости. Эти «отношения», как ты их называешь, имели смысл, пока мне нравилось страдать, но больше я этого не хочу. Ни один человек не стоит того, чтобы из-за него жертвовать собой!

— Тс-с! — Парень жестом просит не орать.

— Тогда помолчи и ты.

— Но ты ведь любишь его.

Я осекаюсь. Мне нечем крыть. Может, и люблю, но теперь я каменная. Внутри и снаружи. Пустота, вызванная разочарованием, сильнее любых других чувств. Она их поглощает, замещает собой.

— Себя я люблю больше, — наконец с горечью произношу я.

Эти чувства источили меня, как вода точит камень. Обтесали, изменили форму. И если пытаться продолжать в том же духе, вскоре от меня не останется ничего.

— Кай — испорченный мальчишка с ненавистью вместо крови в венах, — добавляю я скрипучим голосом. — Он ломает все, к чему прикасается. Играет людьми, как игрушками, забывая о том, что они живые и что у них тоже есть чувства. Посмотри на себя — тебе тоже досталось. Он настоящий псих, в секунду теряющий контроль. Опасный для общества. Что будет дальше, если я забуду обо всем, что он сделал, и останусь с ним? Качели? Два дня счастья и неделя ада? А потом по кругу — снова и снова, как

- Плохая девочка -

на гребаной карусели? Спасибо, я накаталась и хочу сойти прямо сейчас, пока меня не вырвало.

— Поэтому ты прячешься от него? — с теплотой в голосе спрашивает Виктор.

— Мне нужно накопить сил, — честно отвечаю я.

Оттолкнуть Кая, глядя ему в глаза, очень сложно. Практически невозможно. И я знаю, что еще не готова, что могу дать слабину, растаять от его прикосновений, от его сладких слов.

— Вам все равно придется встретиться.

— Не хочу думать об этом сейчас, — вздыхаю я, до боли закусывая губу.

Виктор встает, открывает шторы. За окном догорает закат.

Ничего себе. *Закат.* Я проспала весь день.

— Ты, наверное, голодна? — спрашивает он, оборачиваясь ко мне.

— Я ничего не хочу. Вообще ничего.

— Ладно. Мать уйдет, и мы поедем.

— Что ты ей сказал? — интересуюсь я, приподнимаясь на подушке. Голову начинает понемногу отпускать, и мысли проясняются. — Насчет меня.

— Что ты моя девушка, — улыбается Виктор, пожимая плечами. Надо признать, улыбка ему очень идет: его лицо сразу становится красивым, сияющим. — А что мне было говорить?

— Пьяная девица в кожаной юбке, сетчатых колготках и сапогах на шпильке, заявившаяся к тебе в шесть утра и больше похожая на шлюху после смены — твоя девушка? — беззвучно смеюсь я.

— Как уж есть, — усмехается он, разводя руками. — Обычно я не вожу к себе девушек и они не остаются на ночь! Один раз после выпускного здесь была Алинка, но мать тогда уезжала на дачу, а второй раз — это когда приходила Дашка, моя напарница по научному проекту, но у нас ничего такого не было, и вечером она уехала с Ка...

По тому, как кровь отливает от его лица, я понимаю, что Витька нечаянно проговорился и теперь не знает, как выкрутиться.

— С Каем? — хрипло говорю я.

— Я не знаю, встречались вы уже тогда или нет, — пряча взгляд, отвечает парень.

— Когда это было? — Мне становится трудно дышать.

— Когда его отстраняли на пару недель от тренировок и игр после драки с Лернером...

Кай тогда частенько не ночевал дома, так что очень на него похоже.

— Он своего не упустит, — тихо произношу я, пытаюсь улыбнуться.

— Слушай, прости. — Виктор снова опускается на край постели, вынуждая меня посмотреть на него. — Я не хотел. Вырвалось. Тебе неприятно было это слышать, и я жалею, что ляпнул, не подумав.

— Ничего, — безжизненно говорю я. — Он целует меня при всех, затем бьет Макса, затем спит с другой девчонкой — вроде все логично. Вполне в стиле Кая.

— Не бери ты в голову, — чешет затылок Виктор. — Парни, они... ну... по-другому устроены. Для него этот... э-э-э... случайный контакт с Дашкой, он ничего не значил. Я уверен.

Я вижу, как парень краснеет от неловкости за друга, и меня это забавляет. У меня не получается удержаться от улыбки.

— Конечно, я понимаю.

В тот момент, когда все мои мысли — каждую чертову минуту — были заняты Каем, он веселился с другой девчонкой, чье имя, уверена, даже не запомнил. Пока я пыталась готовиться к тесту, он обменивался с ней слюной, купался в ее поту, исследовал ее тело руками, глазами, языком, насаживал ее на себя — глубоко и яростно, пока не кончил...

- Плохая девочка -

Представив, как Кай тяжело дышит, прижав к себе незнакомку и уткнувшись носом в ее волосы, я содрогаюсь от подступающей тошноты. Мне хочется отмыться от одних только картин, представляющих перед моим внутренним взором. Как его не выворачивает от брезгливости, когда он прикасается к кому попало? Что он за человек такой?!

— Мариана? — Виктор касается моей руки.

И я вздрагиваю.

— Мне жаль, ему следовало лучше относиться к тебе.

— Я в порядке.

Но, судя по его взгляду, мои слова не производят должного эффекта.

— Все это не стоит того, чтобы ты вставала на путь саморазрушения, — мягко произносит он.

— Даже и не думала.

— В какой момент? Когда надиралась ночью до бессознательности непонятно где или когда делала это уродливое тату на щиколотке? — Его правая бровь приподнимается. — Прости, я не специально: увидел, когда ты выставила ногу из-под одеяла.

Я зажмуриваюсь, вспомнив про татуировку. Вздыхаю с досады, затем открываю глаза и медленно достаю ногу из-под одеяла. На щиколотке под заживляющей пленкой темнеет маленькая надпись: «NO MORE».

— Оно не уродливое, — неуверенно говорю я, вытягивая ногу.

— Значит, глупое, пошлое и пафосное, — цокнув языком, с умным видом заключает Виктор.

— Разве что слегка, — соглашаюсь я, улыбнувшись, и продолжаю разглядывать татуировку.

— Зато, когда завяжешь с выпивкой и ночными гулянками, сможешь набить рядом «wine», — хмыкает он. — Получится «no more wine» — «никакого больше вина».

— Или «rain», — задумываюсь я. — «No more rain» — больше никакой боли. Никогда. — Качаю головой: — Вот черт! Я же хотела набить напоминашку: типа больше никогда не верь никому. Никогда не чувствуй, не позволяй себе влюбляться, и тогда тебе не будет больно. Но по факту... Черт, черт! — сокрушаюсь я, пряча ногу под одеяло. — По факту я буду вспоминать о нем всякий раз, когда вижу эти долбаные слова! — Я смеюсь, закрыв глаза и мотая головой. — Вот дерьмо. Лучше сдохнуть, чем вот это вот все...

— Что мне в тебе нравится, так это оптимизм, — сжав мою ладонь, говорит Виктор.

И в следующее мгновение из-за двери раздается женский голос:

— Вить?

— Мать пошла к подруге, провожу ее, — отпустив мою руку, поднимается он. — Лежи, я сейчас вернусь.

— Спасибо тебе. За все, — шепчу я.

Кай

Дверь открывается прежде, чем я успеваю в нее постучать. Застываю с поднятой вверх рукой.

— Здравствуйте.

Женщина хмуро оглядывает меня сверху донизу и кривит рот. Похоже, это его мать.

— Вить, это, наверное, к тебе, — бросает она через плечо.

И выходит из квартиры, едва я успеваю отойти в сторону, чтобы уступить ей дорогу. Я возвращаю взгляд на порог и вижу в прихожей Сереброва. Он в домашних спортивных брюках, футболке и босиком.

Парень замирает, увидев меня. Его глаза округляются: Витек теряет самообладание. Но только на мгновение, уже через секунду он сжимает губы в тонкую бесцветную линию:

- Плохая девочка -

— Чего тебе?

Звуки шагов его матери удаляются вниз по лестнице.

— Привет, — говорю я, переминаясь с ноги на ногу. — Можно мне войти?

— Не стоит.

Но я уже вхожу и закрываю за собой дверь, оставив снаружи затхлость подъезда и запах духов его мамы.

— Что тебе здесь понадобилось? — Серебров, прихрамывая, отходит на пару шагов назад и складывает руки на груди.

Он жутко нервничает, хоть и старается не подавать вида.

— Это... я тебя так? — решаю уточнить, разглядывая отеки и ссадины на его лице.

— Не будь у меня реакции, выглядел бы страшнее. Так какого лешего тебе здесь понадобилось?

— Обычно я не извиняюсь, — с трудом выдавливаю я. — Да и сама ситуация...

Я потираю ладонью щеку с выступившей щетиной: с момента ухода Марианы у меня не получалось ни поест, ни поспать, но усталость не чувствуется. Сердце все еще бьется, как оголтелое, разгоняет кровь по телу и не дает панике осесть на поверхности подсознания и остыть. У меня просто не получается успокоиться. Для того чтобы это произошло, я должен найти Мариану.

— Короче, извини, — выпаливаю я. Мне адски трудно это сделать, потому что перед глазами все еще пляшут искры воспоминаний, в которых моя девушка ерзает на коленях Сереброва, а его лапы перемещаются по ее спине — от талии и ниже. — Я знаю, зачем она это сделала. И я это заслужил.

Мне приходится стиснуть челюсти, ведь, глядя на Витьку, я все еще вижу ее в его объятиях. Вижу, как она его целует, и мне снова хочется врезать

другу за то, что он позволил этому случиться, за то, что не остановил ее и не остановился вовремя сам.

Легкие горят, я почти задыхаюсь, но настолько измотан и отчаялся, что уже не чувствую ничего, кроме боли в груди — там, где перепуганное и смятенное сердце с силой барабанит в рваном темпе.

— Я понимаю, — цедит сквозь зубы Серебров и плечом наваливается на стену.

Он хмурится, и через эти морщинки на лбу рвется наружу его растущее раздражение. Виктор с трудом сдерживается, чтобы не послать меня подальше. Пару месяцев назад я не стал бы даже извиняться перед ним, но теперь все по-другому. Я — другой, у меня в голове все перемешалось, и приходится приспособливаться к новой жизни, где во что бы то ни стало нужно вернуть Мариану: ведь без нее мне не выжить.

— Я не злюсь, — говорю, сделав глубокий вдох, а затем выдох. — Не злюсь на тебя. Она вела себя так, потому что я был для нее дурным примером. Мариана мне хотела сделать больно, а я сорвался. На тебя.

Каждое слово дается мне через дикую боль.

— Я не девчонка, — холодно говорит Серебров. — И не буду плакать и обижаться, передо мной не нужно извиняться. Давай просто закроем тему. Все, проехали.

Он бросает взгляд на дверь, словно намекая, что мне пора.

— Я не знал, куда еще пойти, — наконец признаюсь я. — Я уже был везде — ее нигде нет.

— Кого? — меняет позу Виктор, прикусывает нижнюю губу, рассеянно почесывает шею.

— Марианы.

— А, да, — кивает он, хмурясь.

— Ищу ее третий день подряд, ее телефон отключен. У меня уже крыша едет! — восклицаю я, начи-

- Плохая девочка -

ная снова задышаться. — Я потерял ее, понимаешь? Потерял!

— Успокойся, — прочистив горло, просит Виктор.

— Я все потерял! — обреченно выдыхаю я. — Все разом навалилось: мать, Эмилия, ребенок! А я вел себя как м...

— Ребенок? — Он не дает мне договорить.

— Заявилась моя бывшая — Эмилия. Сказала, что беременна. Это чертов бред, этого просто не может быть, понимаешь, Вить?! — Я провожу ладонями по лицу. — Но она каким-то образом связалась с Марианой и вывалила все это дерьмо на нее!

— У тебя реально будет ребенок от бывшей? — Друг выглядит пораженным.

— Нет, черт тебя подери! — вспыхиваю я. — Говорю же, исключено! Но представь: сначала Мариана слышит, что моя мать хочет прибрать к рукам наследство Харри, затем моя бывшая оказывается беременной — якобы от меня! Представляешь, как все это выглядит? Теперь Мариана думает, что я ее использовал ради своих целей, что лгал ей, а этот... этот ребенок — он вообще... — Я бессильно взмахиваю руками, а затем бью с досады ладонью по стене.

— Звучит паршиво, — после паузы произносит Серебров.

— Согласен.

— И... — Его взгляд скользит по стенам прихожей, затем поднимается на мое лицо. — Что планируешь делать?

— Сначала мне нужно найти Мариану. Мы поговорим, затем решим. — Мое сердце колотится в груди все быстрее. — Я должен найти ее и все объяснить, все исправить. Она уходила из дома в таком состоянии... Боюсь, как бы не попала в беду.

— Ты был в универе?

— Она не пришла на занятия. Понимаешь, что это значит? Мариана никогда не прогуливает лекции.

— Может, она у Алины? Ее подружка, рыжая, помнишь?

Качаю головой:

— Клянется, что не знает, где она.

— Девчонки всегда защищают друг друга. Наверное, Алинка в курсе, но хочет уберечь ее от встречи с тобой.

— Не похоже, — говорю я, вспоминая о нашем с Алиной разговоре. Она выглядела удивленной и встревоженной. — Нет, не думаю.

— А кто сейчас в доме Харри?

— Никого, — пожимаю плечами. — Я возвращался туда несколько раз за это время, чтобы проверить, но от нее ни следа.

— Думаю, тебе стоит дождаться Марианы там. Ей ведь больше некуда возвращаться? Значит, в любом случае вернется — за документами, учебниками и прочим.

— И Хвостик, — внезапно осеняет меня.

— Что?

— Наш котенок, — объясняю я. — Я кормил его, но она в любом случае будет о нем беспокоиться и вернется, чтобы удостовериться, что мать с Лео покинули дом. Все верно! Мне нужно бежать и ждать ее там! — Меня накрывает волной облегчения. — Спасибо!

— Да не за что, — отзывается Серебров, явно с облегчением оттого, что я наконец сваливаю.

— Ладно, бывай, — прощаюсь взмахом руки, разворачиваюсь и толкаю дверь.

— Ага. Держи в курсе, — слышится его голос в спину.

Я делаю шаг за порог, и вдруг меня прошибает, словно молнией. Замираю на мгновение, сглатываю.

- Плохая девочка -

ваю и трясую башкой в нежелании верить, а затем медленно оборачиваюсь.

— Это ведь ее? — спрашиваю, не узнавая собственный надломленный голос, и указываю Витьке, который торопился закрыть за мной дверь, на сапоги, стоящие справа. Черные, замшевые, на тонкой шпильке. — Да? — По спине пробегает холод. Я вхожу обратно и прикрываю дверь. С болью перевожу взгляд на друга: — Это ее сапоги? Она здесь?

С лица Сереброва отливает кровь. Он хоть и смотрит на меня без страха, но отвечать не спешит.

А ведь я так хотел, чтобы он сказал, что это сапоги его матери.

Нет, мать вашу, нет! Вот дерьмо...

— Где она?! — гремит мой голос, разрывая горло. Мы почти одного роста, но я буквально возвышаюсь над ним от пульсирующего по всему телу гнева. — Где?!

Витька нехотя перемещает взгляд на комнату.

Я бросаюсь туда, с силой толкаю чертову дверь и... вижу ее.

В этот момент кто-то будто силой выбивает воздух из моих легких. Земля плывет под ногами, а сердце с размаху обрушивается вниз и ударяется об пол.

Мариана стоит на пороге комнаты, окутанная полутьмой. Она растрепана, ее волосы распущены, спутаны и в беспорядке раскиданы по плечам. Остатки косметики и туши для ресниц небрежно размазаны по лицу. Мариана босиком — я отмечаю это ментально. А еще она *без одежды* — на ней лишь тонкое одеяло, обернутое вокруг хрупкого обнаженного тела.

Нет. Нет...

Какого...

— А вот и папочка, — со стиснутыми зубами усмехается она, наткнувшись на мой ошалелый взгляд.

На миг меня охватывает желание перевернуть всю мебель в этой квартире, разбить ее в щепки голыми руками, смести с полок все безделушки, повалить стены.

— Ну привет, — лениво добавляет Мариана, ловя мой взгляд, следующий за одеялом, ненароком сползшим с ее плеча к груди.

Я поднимаю глаза в поисках ответов. Кто-то должен мне сказать, что это все неправда, и клянусь, что пойму. Кто-то должен сделать это немедленно.

Но Мариана улыбается.

— Что... — Глупые, никчемные, не способные хоть что-то исправить слова застывают на моих губах.

Лицо моей сводной сестры сочится болью, на ее ресницах повисли слезы, но улыбка — она дикая, ядовитая. Безумная. Больше похожая на оскал раненого животного, которое готово бросить последние силы на ответный удар, если его посмеют тронуть. Это улыбка доведенного до отчаяния человека. Разбитого, сломанного. Мариана сломана, и это я ее сломал. Я разбил ее большое и светлое сердце, потоптался на нем и окончательно уничтожил.

Все происходящее — только моя вина.

— Давно она здесь? — Я поворачиваюсь к Сереброву.

«Скажи, что я все не так понял. Что это мираж, ошибка. Это все неправда».

Но стоит отдать ему должное: он сохраняет самообладание. Мне это делать труднее. Я, кажется, только что умер и падаю в пустое, черное небытие.

— Послушай, Кай. — Его голос меняется, становится жестче.

И остатки веры в лучшее рассыпаются внутри меня, превращаясь в прах.

— Вы с ней... — Но я не успеваю договорить, потому что Мариана начинает хохотать.

- Плохая девочка -

Я резко поворачиваюсь:

— Одевайся!

— Что-о? — издевательски тянет она.

И смеется, откинув голову назад, будто услышала какую-то нелепицу. И в этот момент во мне просыпаются все демоны, которых я так старался усмирить в последние дни.

— Одевайся, я сказал! — гремит мой голос на всю прихожую. Я сам пугаюсь той ярости, которую обрушиваю на нее. — Собирайся! Быстро!

Мариана вздрагивает, вцепляется в одеяло и смотрит на меня с изумлением, будто не узнает. От смеха ни следа. Но уже через секунду ее взгляд проясняется — она с облегчением выдыхает, и на ее лице рождается горькая улыбка.

— Наконец-то, — устало произносит она. — Теперь я узнаю тебя. Теперь передо мной ты — *настоящий*.

— Ты что, обкурилась? — бросаюсь я на нее. — Ну-ка, посмотри на меня!

Мариана делает шаг назад, и мой взгляд падает на постель, где все происходило. При мысли об этом у меня сносит башню: в груди разгорается пожар, голову затуманивает пламя гнева.

— Когда ты так себя ведешь, мне легче, — благодарно улыбается Мариана. — Спасибо.

— Что за чушь ты несешь?! — злюсь я. Захлестывающие эмоции мешают мне соображать. — Одевайся, я сказал! — Хватаю ее за запястье и грубо его сжимаю. — Где твои вещи?! — Резко отталкиваю девушку, окончательно теряя контроль.

Мариана оступается и неуклюже падает на смятые простыни. Одеяло, которым она прикрывалась, слетает вниз, обнажая ее упругие округлости.

Постыдная сцена.

— Эй! — грубо одергивает меня Серебров. — Ты что себе...

И я делаю то, что умею лучше всех и к чему привык, — бью его по лицу со всего размаху. А дальше происходит неожиданное: меня вдруг уводит в сторону, потому что Витька успевает увернуться. И не дожидаясь, пока я восстановлю равновесие, левой рукой он прихватывает меня за грудки, а правой обрушивает на мое лицо всю тяжесть своего удара.

— Еще раз тронешь ее, я тебя убью! — выплевывает он мне в лицо, пока я пытаюсь прийти в себя, считая искры перед глазами и слушая звон в башке.

Первая мысль — дать сдачи. Вторая — бить его до тех пор, пока от Сереброва не останется жалкая лужица. И я всегда так поступаю, ведь привык любые вопросы решать в драках. Но третья мысль меня оглушает: *Мариана*.

Я причинил ей боль.

Теперь еще и физическую.

Я толкнул, она упала. Да что я за урод-то такой?!

— Ты понял меня?! — Витек трясет меня, точно куклу.

И я постепенно прихожу в себя. Мне стоит адских усилий удержать кулаки в узде, не дать им пересчитать все кости бывшего друга.

— Руки убери, — рычу я, отталкивая его от себя.

Возвращаюсь в вертикальное состояние, одергиваю куртку и поворачиваюсь к Мариане. Она смотрит на меня в ужасе.

— Одевайся, или я унесу тебя отсюда прямо в одеяле, — грозно, по слогам, произношу я.

Трогаю ладонью свою челюсть: место удара отнялось, практически ничего не чувствую. Почти как там, где было мое ледяное сердце — она его растопила и уничтожила, его больше нет. На его месте пусто.

— Унесешь? — будто не расслышала, повторяет Мариана. — Ты меня унесешь?

- Плохая девочка -

— Да. — Я бросаю на Сереброва предупреждающий взгляд: пусть только попробует мне помешать. — Что непонятного? Или ты все мозги растеряла?

— Как вещь? — Она поднимается с постели и гордо расправляет плечи. — Как свою собственность?

— Нам нужно поговорить, и мы поговорим, — твердо заявляю я. — Только не здесь.

Весь мир трясется. Поверхность земли будто пытается скинуть меня с себя.

Я теряю всякое понимание того, что происходит, мне отчаянно не хочется в это верить. Глухое отчаяние камнем врезается в мою грудь, и внутри будто вылетает какой-то клапан: я чувствую, что сдуваюсь, что могу разрыдаться, хотя представления не имею, как это делать.

— *Мне не о чем с тобой разговаривать*, — сократив расстояние между нами, выпаливает Мариана. Она бьет меня в плечо дрожащей рукой, и я ощущаю ее дыхание на своих сухих губах. — И я никуда с тобой не пойду!

— Пойдешь, — упрямо отвечаю я, глядя прямо в ее большие глаза, захваченные слезами.

— Заставишь меня силой? Свяжешь, скрутишь, ударишь? А что дальше?! — кричит она мне в лицо, задыхаясь. — Ты хоть раз думал, что будет дальше? Как мы будем жить с тобой?! Ты же конченный, ты всех ненавидишь — даже меня и себя! Ты хоть раз задумывался, чего хочу я? Я! Не ты. Ты хоть раз думал о желаниях других людей, Кай?!

— Хватит, — прошу я. — *Ты не в себе*. Оденься, мы поедem домой и там поговорим.

Сейчас эти слова кажутся мне самыми правильными на свете. Нам всем нужно просто успокоиться, и все пройдет.

— Не в себе? — Мариана начинает смеяться. — *Я не в себе?!*

Ее поведение заставляет злость внутри меня закипать с новой силой.

— Посмотри на себя, — говорю я. — Ты смеешься, словно умалишенная.

Серебров делает шаг, и это вынуждает меня бросить на него очередной предостерегающий взгляд: «Только попробуй встать между нами, и я больше не буду сдерживать себя».

— Ох, ну да. Тебе бы больше понравилось, если бы я плакала, — смахнув слезы с ресниц, с жаром восклицает Мариана. — Если бы рыдала! Тебе ведь больше нравилось, когда я смотрела на тебя со щепячей преданностью, да, Кай?

Мое дыхание останавливается. Я умираю от желания прикоснуться к ней, прижать ее к себе, зарыться лицом в ее волосы, но все мое тело сковано необъяснимым страхом.

— Ты наслаждался моей покорностью. — Влажные губы Марианы дрожат, подбородок трясется. — Ты забрал мою невинность, смял ее, а потом вышвырнул — вместе с моей душой. А ведь я хотела только одного — любить. Просто любить тебя. *Только тебя*. Я не хотела быть твоей очередной подстилкой, а ты... ты уничтожил меня.

— И поэтому ты здесь? Тебе *так* плохо, что ты тут же нашла, кому тебя утешить? — с досады выпаливаю я. — Я ищу тебя третий день, а ты кувыркаешься здесь? С ним? Да скажи спасибо, что я вообще с тобой разговариваю после этого!

На миг ее лицо вытягивается, затем до краев заполняется разочарованием. Мариана сглатывает, оглядывает меня с головы до ног и с насмешкой произносит:

— Трахается он, кстати, лучше тебя.

Вселенная замирает.

Мы остаемся вдвоем. Я смотрю в лицо девушки, которая перевернула всю мою жизнь, и не узнаю

- Плохая девочка -

его. Маска из гордости и боли — вот и все, что от нее осталось. И это я с ней сделал, это моих рук дело.

— Не расстраивайся, — кокетливо поправив одеяло под грудью, мурлыкает она и игриво подталкивает меня плечом: — Лучше порадуйся за меня. Ты сам сказал, что мое тело не священно. И я лишь следую твоим советам: распоряжаюсь им, как хочу, и занимаюсь сексом с тем, с кем хочу. Ни в чем себе не отказываю.

Меня пошатывает.

Мариана отомстила мне, и что хуже — я это заслужил. Она знала, как сделать мне больно, ведь я был для нее лучшим учителем.

— Ненавижу, — выдыхаю я ей шепотом в губы.

— Знаю, — сочувственно пожимает плечами Мариана. — Прости. — Она обводит меня долгим, усталым взглядом. — И, если ты закончил, уходи. Нам с Витей не терпится продолжить то, что мы начали до твоего прихода.

Мне хочется закричать, но я больше не могу. У меня нет сил. Голова идет кругом. Ее слова режут меня без ножа, ковыряют по коже, пускают кровь.

— Скажи, что это неправда, — молю я жалким, беспомощным детским шепотом.

Мариана, как в замедленной съемке, мотает головой:

— Уходи.

Мне кажется, я, словно туча, плыву к выходу, с меня капает вода, просто этого никто не видит. А в следующий миг меня захлестывает гребаный ураган, бушевавший внутри, и вырывается наружу.

«Вон! Вон из меня! Из моего сердца, из моих кишков, из моих мыслей — вон! Убирайся! Пошла! Вон отовсюду!» — орет мое сознание, когда я молча сбегая вниз по ступеням. И только маленький мальчишка на дне коробки с обидами тихо бормочет: «Я умру без тебя... *Умру...*»

Мариана

Я убийца. Убиваю словами, калечу, ломаю. И мне даже не нужно было этому учиться. Я знаю, как это делается: просто повторяю на нем его же проверенные фирменные приемы.

Ты смотришь прямо в глаза и говоришь совсем не то, что думаешь. Такая игра «наоборот». Говоришь и наблюдаешь, как он корчится, когда эти слова переворачивают его нутро, сдирают кожу, царапают внутренности, продираются битым стеклом по желудку и выбираются наружу грязным месивом из злости и слез.

Великолепно!

И так больно. Так сладко. Все как он любит.

— Уходи, — произношу я из последних сил, видя, как взгляд Кая становится диким и плывет.

Мне хочется броситься ему на шею, прижаться лицом к его щеке, грудью к его груди. Хочется вдохнуть его запах, обнять крепче, целовать его до тех пор, пока не перестану чувствовать губы. Но ни один мускул на моем лице не дергается в тот момент, когда я поражаю его этими словами, точно выстрелом.

Уходи...

Мне было бы легче, если бы он стал крушить все вокруг, если бы ударил меня, наорал, унизил, оскорбил. Но Кай уходит, не сказав больше ни слова. И прежде чем я понимаю, что так будет лучше для нас обоих, я, оставшись в крошечной темной страшной комнатухе без воздуха и света, борюсь с диким желанием закричать ему вслед — хоть что-то закричать.

Хлопает дверь, и я вздрагиваю. Этот грохот как выстрел пронзает меня насквозь.

Я бессильно опускаюсь на кровать, и слезы словно прорывают дамбу. Грудь начинает ходить ходу-

- Плохая девочка -

ном, плечи трясутся, лицо разом затапливает горячей влагой.

Я не проронила ни слезинки, пока Кай был рядом. Не хотела, чтобы он видел мою слабость, и, вероятно, это сослужило плохую службу: теперь рыдания буквально выворачивают меня наизнанку, до тошноты, а мутная пелена слез застилает глаза.

Слышу только, как Витька тихо выходит из спальни. Его шаги стихают в коридоре. А через пару минут он возвращается со стаканом воды, протягивает его мне.

— Он ушел? Ушел? — захлебываясь в рыданиях, спрашиваю я.

— Да. Вернуть его? — спрашивает парень.

«Да! Пожалуйста! Пожалуйста, верни, я не смогу, я не хочу без него!» — говорит душа. И тут же внутренний голос ее обрывает: «Он разбил тебя на осколки, сделал из тебя ничто, растоптал!»

— Нет. Нет... — лепечу я, размазывая слезы по щекам.

Беру стакан, пью воду, стуча зубами о стеклянный край.

Одеяло спустилось до бедер, но мне плевать. Но не Сереброву — он забирает стакан, ставит его на столик и помогает мне прикрыться. Садится рядом и после вдоха обнимает меня, прижимает к груди.

— Мне так плохо, — всхлипываю я.

В этот момент мне кажется, что больше незачем жить. Больше нет ничего: ни жизни, ни мечты. Никаких смыслов.

— Я думал, он меня убьет, — тихо признается Виктор.

Все мои слезы впитывает его футболка.

— Прости, — пишу я, содрогаясь от слез.

— Если сразу не убил, то подумает, переварит и все равно убьет, только медленно и расчетливо, — усмехается он, поглаживая меня по спине.

- Лена Сокол -

— Я не хотела втягивать тебя.

— Какая теперь разница.

— Мне хотелось сделать ему больно, — признаюсь я, поднимая на него взгляд. — Чтобы он тоже мучился и страдал.

— Поэтому ты разделась, услышав его голос в прихожей? — вскидывает бровь Виктор.

— Угу.

— Честно говоря, я обалдел, — вздыхает он. — Подумал: ну все, сдохну ни за что.

Его слова вызывают у меня улыбку, и я горько смеюсь сквозь слезы.

— Ты сумасшедшая, — тихо говорит Серебров. — Странная. Не такая, как все.

— Это плохо?

— Это очень плохо, — отвечает он, задумчиво глядя в мое заплаканное лицо. — Потому что сбивает мужчин с толку.

— Я теперь совсем другая, — немного успокоившись, замечаю я. Мои плечи все еще ходят ходуном. — И мне немного страшно.

— Отчего?

— Оттого, что я теперь будто каменная внутри: мне ничего не хочется — ни жить, ни учиться, ни добиваться, ни даже быть счастливой. Совсем ничего.

— Ты еще будешь счастливой, — уверенно заявляет Виктор, стирая большим пальцем влагу с моих щек. — Даже не сомневайся. А вот Кай... Даже не знаю, в какую сторону его теперь кинет.

— Давай расскажу тебе, как будет, — вздохнув, предлагаю я. — Он уйдет в запой, будет во всем винить меня и ненавидеть, потом перетрахаёт пол-универа, и все эти девицы будут ненавидеть его. Ненависти определенно станет больше в этом мире. А еще жалости. Он будет жалеть себя, и от этой жалости пострадает его будущий ребенок, кото-

- Плохая девочка -

рый также останется без отца, если Кай вовремя не возьмется за ум.

— Уау, — выдыхает Серебров. — Сценарий фильма.

— Нам точно будет лучше друг без друга, — выбираясь из его объятий, говорю я. Выпрямляюсь и откидываю мокрые от слез волосы с лица. — А знаешь, что дальше? Серия вторая. Я стану стервой в мини-юбке, и Кай станет звать меня шлюхой в компании друзей. Временами он будет мне снится, но я никогда не подам вида.

— Почему? — улыбается Витя.

— Потому что я ни за что не наступлю на эти чертовы грабли еще раз. Ты же видел: он манипулятор, абьюзер, эгоист и конченный псих. Все наши отношения — это «хорошо — плохо — очень хорошо — адски больно». Год таких качелей, и я застрелилась бы. Ни один нормальный человек такого не выдержит.

— Но сбежать — не выход, — поворачивается ко мне Витя.

— Мне нужно просто научиться жить без него.

— И быть стервой в мини-юбке?

Я пожимаю плечами:

— Пусть и так.

— Хочешь пасть на самое дно? Стать плохой?

Мне становится смешно.

— В нашем обществе достаточно уважать себя, чтобы таковой считаться.

— А раньше ты себя, значит, не уважала?

— Раньше я думала, наши с ним чувства того стоят. Закрывала глаза на себя в надежде на то, что Кай станет другим. Но люди не меняются. По крайней мере, не так. Не по щелчку пальцев. Не из-за каких-то там чувств, понимаешь? Они могут измениться, если сами того захотят. Но любви недостаточно. Ее всегда недостаточно.

— Надеюсь, ты не пожалеешь о своем решении, — серьезно говорит Виктор.

— Сейчас мне плевать, — признаюсь я, задевая его плечо своим. — На все плевать, понимаешь?

Некоторое время мы сидим и смотрим в стену, затем я снова поворачиваюсь к нему.

Мне нужно что-то делать, чтобы не вспоминать о Кае, чтобы не думать, чтобы не позволять слезам течь беспрерывно.

— Лучше бы я влюбилась в тебя, — срывается с моих губ.

Проходит несколько мгновений, прежде чем Серебров поворачивается ко мне и одаривает сомневающимся взглядом.

— Почему? — хрипло спрашивает он, прищурив один глаз.

— Потому что ты земной и понятный. И привлекательный. Это трудно признать, когда ты одержим чем-то столь же демоническим, как Кай Турунен, но нельзя не заметить.

Губы парня изгибаются в полуулыбке, светлые глаза сияют. Витька явно озадачен. Ему кажется, что он читает мои мысли, но, честно говоря, ни хрена про меня не знает. Каждая клеточка моего тела заполнена Каем, и мне еще долго придется его оттуда вытравливать.

— Мне это очень нужно, — шепчу я, придвигаясь к нему теснее.

Мое сердце сжимается и разжимается в груди в такт тяжелому дыханию.

— Что именно? — недоверчиво и настороженно интересуется Серебров.

«Чтобы ты замолчал», — подсказывает внутренний голос.

— Вот это, — отвечаю я, отпуская край одеяла, прикрывавший мою грудь, и позволяя ему упасть.

— Мариана... — успевает сказать парень, но я уже сокращаю расстояние между нами до минимума: за-

- Плохая девочка -

бираюсь ему на колени и лихорадочно вожу руками по его волосам.

А затем целую Виктора — медленно и глубоко, до тех пор, пока он не теряет способность разговаривать и сопротивляться. Это совсем не такой поцелуй, какой был у нас в клубе: я не играю с ним, не провоцирую — я прошу у него ласки, которая залечила бы мои раны, вернула бы меня к жизни, спасла бы меня.

И он целует меня в ответ, целует еще больше и еще — так, будто не может насытиться. А я стону сквозь зубы, ерзая у него на коленях и чувствуя, насколько сильно он возбужден.

— Стой, подожди, — задыхаясь, просит Виктор, воспользовавшись моментом, пока я стягиваю с него футболку.

Но я тут же затыкаю его рот новым поцелуем и отшвыриваю футболку в сторону. Серебров пытается сопротивляться, но его выдают руки, жадно мечущиеся по моему телу, стискивающие бедра, ласкающие грудь.

— Мариана, — шепчет он, отрываясь.

Чем, конечно же, все портит. С утра я не могла придумать, зачем мне жить, а теперь снова ощущаю себя живой и желанной. Он что, не может просто заткнуться и дать мне то, чего я хочу?

— Эй!

Виктор перехватывает мои запястья.

Теперь у меня нет выбора: сбивчиво дыша, я смотрю в его глаза.

— Не нужно мстить ему, используя меня, — переводя дыхание, произносит он.

— Это не месть, — выдыхаю я, прижимаясь к нему голой грудью. — Мне просто нужно знать, каково это, когда без чувств. Я должна понять, как это — без любви, когда просто секс и больше ничего.

— Ты не сможешь. Это уже будешь не ты, — острожно спуская меня с колен, говорит Виктор.

- Лена Сокол -

— Давай попробуем, — льну к нему я, чуть не плача.

Он наклоняется ко мне и нежно убирает непослушные пряди волос мне за уши. Проводит большим пальцем по моей щеке:

— Мариана, я ведь не Кай. — Усаживает меня на диван. Отвлекается на секунду, чтобы взять свою футболку, и надевает ее на меня через голову. — Я своего не упущу: буду бороться за тебя до конца.

— Но...

— Поэтому не играй со мной, — просит Виктор, отводя голову назад и глядя на меня. — Только по-настоящему или никак. Слышишь?

— Но разве с другими девушками...

— Это другие девушки, — перебивает он меня. — С ними сразу все по-другому, потому что они так хотят. И потому, что они умеют играть в эти игры.

— Ты меня недооцениваешь, — обиженно надуваю губы я.

— А если наоборот — ценю? — с улыбкой отвечает вопросом на вопрос Серебров. Подмигивает, встает и выходит из комнаты. — Так, что ты желаешь на ужин? — доносится его голос из коридора уже через секунду.

Кай

Следующие несколько часов я вряд ли смогу восстановить в памяти. Добрался до дома черт деря как. Кажется, шел пешком. В любой другой момент моей жизни, когда было плохо, я без раздумий выпускал своих демонов наружу: надирался до беспомысленности, затевал кровавую драку или отрывался на вечеринках до самого рассвета, и эти простые действия всегда забирали часть моей боли.

Но в этот раз я точно знал: не поможет. Ни алкоголь, ни хорошая взбучка не способны вернуть

- Плохая девочка -

к жизни того, кто мертв. А именно таковым я себя и ощущал. Вернее, не ощущал совсем — ничего не чувствовал. Не слышал и не видел того, что вокруг. Это состояние как затяжной прыжок из самолета, когда у тебя есть парашют, но ты намеренно не желаешь его использовать, даже когда до земли остается каких-то пара мгновений.

Со мной уже происходило такое однажды. Шок и опустошение — вот, что я испытывал, когда ушел Харри. Но крошечный свет надежды на то, что отец может вернуться, теплился во мне потом еще долгие годы. А теперь? У меня даже нет слов, чтобы описать, что происходит у меня в голове. И, что хуже, нет понимания того, как я это допустил. Как позволил сердцу открыться и кого-то полюбить?

Я останавливаюсь у двери дома и долго смотрю на нее.

Не хочу. Не могу войти туда, где мне было так хорошо с ней. Не могу находиться там, где все потерял.

Как все так быстро перевернулось? Вот я в панике мечусь, надеясь, что все можно вернуть назад, а уже через мгновение Мариана вбивает гвоздь в крышку моего гроба своими пронзительными голубыми глазами, трепещущими длинными ресницами и пухлыми алыми губами: «Занимаюсь сексом с тем, с кем хочу».

Но разве не этого я хотел? Не это предлагал ей? Я сам желал, чтобы Мариана была плохой. Чтобы легче было ее ненавидеть, чтобы это избавило меня от любых терзаний и сомнений. Так в чем же дело? Отчего так пусто внутри, что раздирает душу на части?

Душа...

Я улыбаюсь кривой ухмылкой безумца. Совсем недавно я думал, у меня ее нет.

Распахиваю дверь и вхожу. Как в бреду плетусь по пустой гостиной, прислушиваясь к тишине. Скидываю кроссовки и оглядываюсь.

— Твою мать, — произношу глухо. — Твою ма-а-ать! — ору на выдохе, толкая руками пустоту. — Будь ты проклята, твою мать!

— Мяу, — доносится откуда-то.

Я поворачиваюсь на звук и вижу котенка, выбегающего из-за дивана. Он направляется ко мне, но я отворачиваюсь и падаю в кресло. Закрываю лицо руками. Делаю тяжелый, судорожный вдох, но предательский кислород никак не хочет попадать в мою глотку, сопротивляется. «Черт, почему же так тяжело даже просто вдохнуть?»

— Мяу. — Что-то теплое касается ноги.

Мне хочется заорать, чтобы он убирался, хочется оттолкнуть его, но вместо этого я стискиваю зубы до хруста и тихо стону, по капле выдавливая из себя с этим звуком все раздражение и злость.

— Мр-р. — Хвостик прыгает мне на колени.

И я замираю. У меня нет даже сил смотреть на него. Наверное, он все еще пахнет Марианой, и у него такие же большие, обманчиво-преданные наивные глаза. Я отворачиваюсь и натываюсь на свое отражение в зеркале — ну и мерзость. Выгляжу дерьмово, будто не спал две ночи. Но так и есть, и все время, пока я искал ее, мои нервы были на взводе, а мозг кипел.

Хвостик трется о мою грудь, мурлычет, но так и не добивается от меня ответной реакции. Вряд ли во мне еще осталось тепло, чтобы обогреть даже такого кроху, как он. Мое тело абсолютно мертво, а внутренности черны: они сгорели, изгнили, превратились в прах, и от меня смердит одиночеством и болью. Единственное мое желание — никогда не вставать с этого кресла, врасти в него, превратиться в обивку и стать невидимым.

- Плохая девочка -

— Ты вернулся! — разрывает тишину истеричный вопль. — Слава богу!

И меня начинает тошнить.

«Нет, господи, только не это, не сейчас...»

— Наконец-то, Кай! Я чуть не сошла с ума, не знала, ждать тебя или нет!

Котенок испуганно жмется мне под мышку; я зажмуриваюсь в надежде, что, когда открою глаза, все исчезнет — в том числе и этот визгливый голос. Но шаги приближаются.

— Ты чего? — раздается перед самым носом.

Я с неохотой открываю глаза. Прямо передо мной Эмилия.

Не представляю, что держало нас вместе так долго? Не спорю, она красивая девчонка, но мы абсолютно разные, нам даже говорить было не о чем. Просто хреновые традиции: король школы встречается с королевой, поэтому он и король. И я держался за это. Так было удобно.

— Что с лицом? Ты упал? Ударился? Опять с кем-то подрался? С кем? — Она выстреливает эти слова как из пулемета.

— Эм, — бурчу я, поморщившись. — Не ори, у меня башка сейчас лопнет.

— Тебе больно? — Эмилия тычет пальцем мне в челюсть.

— Ай, — отталкиваю ее от себя, когда боль в месте удара простреливает молнией в голову.

— Ты ведь никогда не успокоишься, да? — нависая надо мной, спрашивает она. — Так и останешься таким. Диким.

Ее губы обиженно поджимаются, а я пытаюсь сфокусировать на ней взгляд и разглядеть в ее лице что-то такое, что должно сейчас сдерживать меня от лавины грубостей, которую я хочу на нее низвергнуть. Эм сказала, что у нее будет ребенок. От меня. *Мой ребенок.* Эта новость должна перевернуть

мое сознание, поменять мое отношение к ней, но ничего не происходит.

Что со мной? Неужели я конченный? Неужели настолько поломанный, что не способен на элементарные чувства? Почему у меня к ней даже тепла и сочувствия не возникает? Ничего не щелкает внутри, не екает, не отзывается. Пусто.

— Я стою перед тобой, ты смотришь на меня, но не замечаешь, — озвучивает мои мысли Эмилия. Ее красивое лицо меркнет. — Что ты такое, Кай?

— Ничто, — шепотом отвечаю я.

Ничтожество. Грязь. Пустота. Тьма.

— Столько лет, и ты ничего ко мне не чувствуешь? — качает она головой. — Что мне еще сделать, чтобы ты меня заметил? — Эмилия падает передо мной на пол. — Встать на колени? — Прижимает руки к груди, будто собирается вырвать сердце. — Умолять тебя?

— Прекрати. — Меня ее поведение только злит.

— Все старшие классы я была рядом, — говорит она надломленно. — Была твоим другом, твоей девушкой, твоей любовницей, товарищем. Я была рядом, когда тебе было плохо и когда хорошо. Я оставалась с тобой, даже зная, что ты увлекся еще кем-то, и не раз. Мне казалось, они для тебя — лишь эпизоды, а я — твое большое, сильное, яркое. Я — твое главное! И только поэтому закрывала глаза на все.

— Ты была со мной потому, что хотела этого, — вздыхаю я, глядя, как она улыбается, чуть не плача, и как ее губы дрожат. — Я не просил.

— За что ты так со мной? — Эмилия облизывает губы, делает судорожный вдох. — За то, что я всегда была тебе верна?

— Говорю еще раз: я тебя не просил.

— Ты бросил меня и свалил! — вскрикивает она и бьет меня по ноге. — Столько лет! А ты даже не потрудился объяснить со мной!

- Плохая девочка -

— Брось, — перекладывая испуганного котенка на колени, цежу я.

— Чертов эгоист! Урод! — взвизгивает Эмилия, поднимаясь с колен. — Непрошибаемый! Ты хоть понимаешь, что у нас будет ребенок?! — Она взмахивает руками. — Понимаешь, что из-за твоего скотского отношения ко мне он будет расти без отца?! Понимаешь, что, если я сейчас уйду, ты никогда не увидишь его?!

— Нужно еще разобраться... во всем, — прочистив горло, говорю я.

Ее лицо вытягивается.

— Катись к чертям! — бросает Эмилия.

Разворачивается и пулей припускает к двери. Останавливается на полпути и бежит обратно, подхватывает сумку, стоящую возле дивана, закидывает на плечо и снова бросается к выходу.

Я наблюдаю за ее метаниями с неясным чувством, похожим на досаду. Ребенок — не муха, от него не отмахнешься. Пожалуй, мне стоило бы мягче относиться к его матери: может, я и говно, но точно не хочу, чтобы мой сын повторил мою судьбу и тоже стал озлобленным, травмированным, не способным себя контролировать и обиженным на весь мир чудовищем.

— Стой, — произношу я негромко, когда она отворяет дверь. — Да стой ты! — ору ей вслед, прежде чем она захлопывает дверь за собой.

Да что за день такой!

Мне приходится встать, открыть окно и прокричать:

— Эм! Стой! Да вернись ты, ну давай поговорим!

Ее аккуратная фигурка замирает на подъездной дорожке. Эмилия медленно оборачивается, она тяжело дышит, смотрит на меня затравленно, недоверчиво, а я силюсь вспомнить все хорошее, что было между нами. Но больше вспоминается плохое,

происходившее по моей вине. И неотвратимо наваливается ответственность — вступая в любые отношения, ты несешь ее в той или иной мере. Когда ухаживаешь, когда заботишься, защищаешь, когда что-то обещаешь девушке, делишь с ней обед или ложишься с ней в постель.

Эмилия не была той, что проходит через твою койку и остается незамеченной, той, чье имя ты не вспомнишь на утро. Она не была особенной, не была той самой и уж конечно, никогда не была Марианой, которая одним взглядом впивалась в сердце. Но я ее выбрал. И она пару лет была моей официальной подружкой — той, кого мне следовало уважать и кому нужно было быть верным, чего я сделать не смог или не захотел.

— Вернись в дом, — вздыхаю я, позволяя чувству вины затопить меня до кончиков ушей.

Мой это ребенок или нет, но я должен взять на себя ответственность за него и за его мать, независимо от того, в каком качестве мы продолжим с ней общаться.

— Папа еще не знает, — всхлипывает Эмилия, переступая порог. Она стирает слезы со щек и прячет взгляд. — Он меня убьет...

Я стою, словно истукан; котенок тычется носом мне в грудь. Нужно что-то сказать, но меня мутит от происходящего.

— Мне некуда идти. — Девушка поднимает глаза, в них сквозит печаль и растерянность.

— Ты не думала про аборт? — Эти слова вырываются из меня помимо воли.

Она застывает в изумлении.

— Я в смысле... — С трудом собираю слова в предложения. — Зачем тебе ребенок от такого, как я? Ты могла бы начать жизнь заново: у тебя состоятельная семья, они оплачивают тебе учебу в университете, впереди карьера или семейный бизнес — на

- Плохая девочка -

выбор. Сампо — городок небольшой, но тебя там ничто не держит, ты могла бы...

— Ты, — выдыхает Эмилия, сцепив руки в замок на груди. — Ты держал меня там, и если бы я поехала куда-то, то только вслед за тобой. Я люблю тебя, Кай. И всегда любила. Иначе зачем? Все эти унижения, боль, игнор, твои загулы — я терпела все, только бы быть с тобой. Я надеялась, ты возьмешься за голову. А теперь ты предлагаешь убить твоего ребенка. Хочу ли я? Нет. Смогу поступить так? Никогда. Он часть тебя, которая навсегда останется со мной, даже если ты уйдешь.

— Ребенок — это большой шаг. Ты могла бы завести его с тем, кто захочет быть его отцом. — Мне хочется быть с ней предельно честным.

— Ладно, я поняла, — поправив сумку, улыбается она.

Вот дерьмо.

— Не уходи, — вздыхаю я. — Мы... придумаем, как быть.

— Ты не обязан, — говорит Эмилия, сжимая рюкзак сумки все сильнее, пока пальцы не начинают белеть.

Ей чертовски трудно произносить эти слова — это видно.

— Нет, обязан, — чужим голосом говорю я. — Если ты решила его оставить, я буду рядом.

Она врывается в мои объятия, игнорируя котенка, который впирается когтями через одежду мне в кожу с перепугу. Но Эмилию это мало волнует. Орошая слезами мои футболку и куртку, она всхлипывает:

— Я знала, что мы будем вместе, что ты меня не бросишь. Я так скучала, Кай!

— Я... буду помогать тебе, — растерявшись от ее напора, бормочу ей в макушку. — Слушай, Эм, я не говорю, что мы снова пара, я имел в виду...

- Лена Сокол -

— Спасибо, спасибо! — пищит она, сотрясаясь в рыданиях.

Вот черт. Мои руки безвольно опускаются, но уже через секунду правая гладит спину Эмилии.

— Теперь все будет по-старому, — шепчет она.

— Ты перегибаешь, я не это сказал, — сопротивляюсь я, с трудом удерживая растущее раздражение.

— Тебе просто нужно время. Главное, что мы вместе.

Нет. Это не так. Но на этот раз я не спешу ее поправлять.

Мариана

Я не испытываю чувств. Только злость.

Однажды Кай бросил эти слова мне в лицо в приступе ревности. Жестокий, запутавшийся, огрызающийся на всех мальчишка, так и не решившийся повзрослеть.

Каждая мысль о нем причиняет мне боль. Обрывки наших разговоров, картины наших встреч, воспоминания о коротких счастливых мгновениях разгоняют сон, стучатся в голову, бередают еще не зажившие раны. Чем сильнее я стараюсь думать о чем-то другом, тем навязчивее становятся эти флешбэки — и хороших среди них, конечно, намного меньше.

Память швыряет мне их, точно кадры старой киноленты: вот Кай грубит мне, вот угрожает, пугает, больно стискивает запястье, шею, прижимает к стене, кусает мои губы, тянет за волосы, сминает мое тело в своих руках. И каждый раз я с благодарностью принимаю унижения и прошу еще — еще больше боли, ненависти, изощренной сладкой пытки, больше сумасшествия и горького яда, который маскируется под любовь.

- Плохая девочка -

Мне наивно казалось, что со мной он станет другом, но так бывает только в сказках. В жизни ты либо принимаешь человека, как есть, и любишь, не смотря ни на что, либо тратишь годы, нервы, здоровье и всего себя на то, чтобы переделать его, и в конце концов идешь своим путем — без него.

Я еще не знаю, как буду жить без тебя, Кай.

Не знаю, смогу ли.

Но очень четко осознаю лишь одно: когда мы вместе, мы разрушаем друг друга. Ты привык к самоуничтожению, а я чувствую, что скоро от меня ничего не останется. Мне нужно привыкнуть жить без тебя. Мне нужно снова стать самой собой.

— Что? — сонно бормочет Витя.

Я молчу, глядя в окно, где солнечный свет тщетно пытается разогнать хмарь сизых туч.

— Ты что-то сказала? — Он трет глаза.

— Нет, спи. Еще рано.

— Угу. — Его голова падает обратно на подушку, рука ложится на мое бедро.

Через секунду Витька засыпает: его дыхание становится ровным и спокойным.

— Мне нужно научиться жить без тебя, — почти беззвучно говорю я тяжелому осеннему небу.

И закрываю глаза, но сон так и не идет.

Всю эту ночь я не спала. Лежала под одеялом, Витя рядом — на одеяле. В домашних спортивных брюках и футболке, все невинно. Хотя не вполне: он обнимал меня всю ночь, и я ему позволяла. Мне нужны были его сильные руки, его тепло рядом. Просто чтобы окончательно не свихнуться. Мне нужно было не быть одной — быть с кем-то, и желательно с тем, кто даст просто помолчать, не полезет в душу, не станет заваливать советами и топить сочувствием.

Мне нужно было, чтобы кто-то держал меня над пропастью, в которую меня засасывало с каждым часом все сильнее. Мне нужен был кто-то макси-

мально не похожий на того, кто разбил мне сердце, чтобы не думать о нем. Но вот беда: Кай пробрался в меня так глубоко, что выгнать его оттуда сможет только время.

— Ты куда? — спохватывается Серебров, когда я осторожно убираю его руку и выбираюсь из-под одеяла.

— В душ, — шепотом говорю я.

Выскальзываю за дверь и на цыпочках крадусь в ванную комнату. Не хочется встретиться с его матерью: она и так, наверное, неизвестно что думает о новой подруге сына, а если увидит, как я сейчас выгляжу, то, уверена, вызовет полицию.

В ванной я включаю воду, ложусь и смотрю в потолок. А затем меня накрывает. Боль распускается в груди черным цветком, раздирает внутренности. Слезы жгут глаза, рыдания сдавливают горло. Страх свинцовой рукой вдавливают меня в поверхность ванны, живот сводит от спазмов.

— У тебя все хорошо? — стучит в дверь Витя.

— Угу, — отзываюсь я.

И беззвучно кричу в кулак. У меня все плохо. «Очень плохо, Вить, и мне жаль, что ты оказался тем, кого мне пришлось поставить в неловкое положение из-за моей душевной травмы».

А потом я выхожу и вижу их на кухне — Витю и его маму. Оба застыли, глядя на меня. Мне хочется сделать вид, будто я не заметила их, но родители воспитывали меня по-другому.

— Доброе утро, — здороваюсь я, замерев посередине коридора.

На мне Витина футболка — длиной до середины бедра, мокрые волосы висят спутанными прядями, влагу от них впитывает ткань. Женщина ставит кружку на стол и оглядывает меня сверху вниз: от лица до босых ног, выражение ее лица становится еще более растерянным.

- Плохая девочка -

— Мама, это Мариана, — вскакивает со стула Се-ребров. — Мариана, это... мама.

Он подходит ко мне, забирает мокрое полотен-це из моих рук, швыряет его на крючок в ванной. Мы с его матерью продолжаем неотрывно глазеть друг на друга, и мне настолько не по себе, что му-рашки бегают по коже.

— Тетя Оля, — наконец говорит она сдержан-но. — Ольга. Ольга Сергеевна. — Вытирает руки о фартук и указывает на стул: — Проходи.

— Я... — Мне хочется вылезти из собственной кожи.

— Пойдем завтракать, — обняв меня за плечи, осторожно подталкивает Витя.

Его мать уже суетится: ставит для меня еще одну кружку на стол, наливает чай.

— Я не могу, мне пора, — шепчу я, сопротивляясь.

Но он буквально впикивает меня на кухню.

— Садись, — давит на плечи. — Успею переку-сить, выпить чай или кофе, до занятий еще полто-ра часа. Я тебя подвезу.

— Я не пойду на занятия, — шепчу я, когда его мать отходит, чтобы нарезать бутерброды. — Не в той одежде и не сегодня.

— Я отвезу тебя переодеться, — успокаивает Ви-тя, усаживаясь рядом.

— Я не готова, — вздыхаю я.

— Пожалуйста, — ставит тарелку с бутербродами на стол Ольга Сергеевна.

Ее проницательный взгляд продолжает внима-тельно меня изучать.

— Спасибо, — натягивая футболку на бедра, бор-мочу я.

— Съешь, пожалуйста, хотя бы один, — просит Виктор, подвигая мне тарелку.

Но у меня все еще нет аппетита.

— Спасибо, не хочется.

— Тогда у тебя совсем не будет сил. Нужно уже начинать есть — даже через «не хочу».

Я ловлю на себе еще один вопросительный взгляд его мамы: женщина, похоже, вообще перестала понимать, что происходит.

— Слушай, я пойду, ладно? — говорю я, вставая. Кладу руку ему на плечо. — Не обижайся, Вить, ты был очень добр ко мне, но мне нужно побыть одной.

— И куда ты? — Он поднимается следом.

— Еще не знаю. Извините, — бросаю его матери и спешу в спальню.

— Ты домой? Тебя подвезти? — спрашивает Виктор, пока я ищу топ и юбку.

— Не знаю. Нет. Не знаю, — вздыхаю я.

— И куда ты пойдешь? — В его голосе слышится волнение.

— Просто пойду, а там будет видно.

— У тебя волосы сырые, на улице ветер. — Он преграждает мне путь.

Я смотрю в его доброе лицо с пару секунд, а затем встаю на цыпочки и крепко обнимаю. От Сереброва приятно пахнет домом, уютom и мужским потом.

— Дашь мне куртку?

— Дам, — теряется он, бессильно роняя руки.

— А это? — отпускаю его и указываю на стул, где висят спортивные синие треники с эмблемой клуба.

— Зачем?

— Не хочу снова надевать те вещи.

— Да, бери, — кивает Виктор.

Я натягиваю его штаны — они, конечно, висят на мне: велики на пару-тройку размеров. Без спроса беру его носки, надеваю.

— Куда ты в таком виде? — У него нет сил даже улыбнуться.

— Какую куртку можно взять? — выхожу в прихожую.